

К ВОПРОСУ О ПЛАНАХ ЯЗЫКОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Т.В. Липатова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2а, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются вопросы языковой деятельности, которая опирается на внешнюю внеязыковую среду и языковое сознание, специализированное для эффективной коммуникации, на внеязыковое сознание и на их планы.

Ключевые слова: социализация знаний, знаки речевого потока, минимальные единицы внешней и внутренней формы языка, планы означающих единиц и планы означаемых единиц.

Многих из нас нередко интересует вопрос: как создаются письменные и устные речевые произведения, изменяющие порой своей убедительностью, яркостью, вдохновенностью, или, как говорят сейчас, харизматичностью, умонастроения окружающих. Этот важный и интересный, в плане языкового творчества, вопрос всегда интересовал и системную лингвистику. И так как системная лингвистика всегда стремится установить магистральный логически выверенный путь в научном исследовании от его истоков до сегодняшнего дня, то уж в отношении самого важного для лингвистики явления — речевой деятельности, которая является внешним проявлением языковой деятельности, это правило действует неукоснительно.

Системная лингвистика всегда исходила из положения о том, что язык является лишь частью внутренней психической среды, специализированной для социализации знаний, и социализация эта протекает благодаря тому, что говорящий субъект с помощью языка формирует знаки речевого потока в форме высказывания, которые только направляют мыслительный процесс в сознании слушающего по «определенному руслу» [5]. Речевая деятельность охватывает как внешнюю физическую среду, так и внутреннюю психическую, и поэтому в ней появляются внешние внеязыковые планы, планы языкового сознания и внутренние внеязыковые планы, т.е. планы внеязыкового сознания. Отсюда и единицы языковой деятельности нужно отнести к планам означающих единиц и планам единиц означаемых.

Что же относится к планам единиц означающих? Это:

1) **субстанция** плана означающих, т.е. знаки речевого потока, воплощенные в речевую материю (звуки и их цепи);

2) **материя** плана означающих — артикуляционно-акустические условия создания знаков речевого потока (субстанция и материя плана означающих представляют внешние внеязыковые планы);

3) наконец, **форма** плана означающих, которая является внешней формой знаков, представляющей **морфемы** и их цепи (форма плана означающих относится к языковому сознанию, т.е. ко внутренней психической среде).

Теперь обратимся к планам единиц означаемых, которые являются:

1) **формой** плана означаемых являются внутренние формы знаков — значения морфем (и их цепи), т.е. намекатели на смыслы;

2) **материей** плана означаемых (плана внеязыкового сознания) являются предрасположенные к означению единицы внеязыкового сознания — потенциальные смыслы;

3) субстанцией плана означаемых являются означенные единицы внеязыкового сознания, смыслы знаков, т.е. единицы, на которые намекают значения морфем, оязыковленные единицы внеязыкового сознания [3].

Главными единицами планов языкового сознания (плана формы означающих и плана формы означаемых), т.е. той части сознания, которая специализирована для эффективной коммуникации, являются двусторонние знаковые формы — морфемы, в понимании И.А. Бодуэна де Куртенэ, то есть минимальные единицы внешней формы языка (по В. Гумбольдту) — образы опознания и произнесения речевых знаков. А также: минимальные единицы внутренней формы языка (по В. Гумбольдту) или «наименьшие значения» (по А.А. Потебне) — абстрактные образы, через которые морфемы ассоциируются по сходству со смыслами, как единицами плана субстанции означаемых, т.е. с единицами и фрагментами внеязыкового сознания человека — его отраженной в психике личной картиной внешнего и внутреннего мира, т.е. из значений, которые способны ассоциироваться по сходству со своими смыслами, намекать на них непосредственно, являются вещественными, и тогда смыслы по отношению к вещественным значениям и к связанным с ними морфемам оказываются ближайшими [2; 5].

Смыслы способны вступать в ассоциации (по сходству и по смежности) и между собой, благодаря чему ближайший смысл, как и значение, может в свою очередь намекать на другой смысл и т.д.; в возникающих таким образом ассоциативных цепях смыслов после ближайших появляются дальнейшие, а среди нескольких дальнейших последний оказывается противопоставленным всем не последним как конечным промежуточным. Такова современная интерпретация учения А.А. Потебни о «ближайших и дальнейших» значениях употребленных знаков. Во многих языках (хотя и не во всех) есть и такие морфемы, значения которых специализированы быть средством намека не непосредственно на ближайшие смыслы, а лишь на типовые отношения между смыслами. Такие морфемы и их значения в системной лингвистике понимаются как грамматические. Все перечисленные выше планы взаимодействуют в актах речевой деятельности и непосредственно связаны с этапом номинации, т.е. с этапом [5].

После перечисления планов, связанных с этапом номинации, хочется на примере рассмотреть их взаимодействие в процессе создания объекта номинативной языковой деятельности — речевого произведения, в нашем случае художественного текста. Для этой цели проанализируем отрывок из романа Л.Н. Толстого «Война и мир» [7. С. 17]:

Вечер Анны Павловны был пущен. Веретена с разных сторон равномерно и немолкая шумели. Кроме та tante, около которой сидела только одна пожилая дама с исплуканным худым лицом, несколько чужая в этом блестящем обществе, общество разбилось на три кружка. В одном, более мужском, центром был аббат, в дру-

гом, молодом, — красавица княжна Элен, дочь князя Василия, и хорошенькая, румяная, слишком полная по своей молодости, маленькая княгиня Болконская. В третьем — Мортемар и Анна Павловна. Центром вечера был виконт-эмигрант. Анна Павловна, очевидно, угощала им своих гостей. Как хороший метрдотель подает как нечто сверхъестественно-прекрасное тот кусок говядины, который есть не захочется, если увидеть его в грязной кухне, так в нынешний вечер Анна Павловна сервировала своим гостям сначала виконта, потом аббата, как что-то сверхъестественно-утонченное [7. С. 17].

Уже первая фраза *Вечер Анны Павловны* был пущен обращает на себя внимание необычной динамичностью, для чего использована пассивная конструкция, субъектом которой является не героиня эпизода, Анна Павловна Шерер, светская львица, а организованный ею съезд званых гостей, названный скромно *вечер*. Сама же Анна Павловна оказывается в разряде атрибута, выраженным родительным падежом, что подчеркивает ее якобы пассивность в отношении этого события, хотя на самом деле именно она, используя свои недюжинные организаторские способности, а также бесчисленные связи в обществе, собирает это высокопоставленное общество в своем доме. И далее, совершенно отстраненно от истинного организатора, звучит пассивное составное сказуемое *был пущен*, где глагол *был*, задающий всему действию некую статику, соединяется с кратким причастием *пущен* (от *пускать*). В XXI в., веке сверхскоростных двигателей, глагол *пускать* напоминает о запуске мотора автомобиля или другого высокоскоростного двигателя, но в начале XIX в. *пускали лошадей вскачь, отпустив поводья, собак с поводка на поиски дичи*, хотя, конечно, и паровые двигатели запускали. В любом случае подчеркивается сходство начала вечера с запуском машины, где отсутствует истинный инициатор. Все это, вопреки ожидаемой пассивности ситуации, созданной грамматической конструкцией, придает ей высочайшую степень динамизма и, самое главное, вносит оттенок спонтанности и самопроизвольности, напоминающая описанную Александром Сергеевичем Пушкиным в романе «Евгений Онегин» (в восьмой главе) аналогичную атмосферу, царившую в подобных салонах в ту эпоху:

*...порядок стройный
олигархических бесед,
и холод гордости спокойной,
и эта смесь чинов и лет* [6. С. 158].

Следующее высказывание *Веретена с разных сторон равномерно и неумолкая шумели* уже недвусмысленно указывает на сходство вечера Анны Павловны с работой механизма, внутри которого, что подчеркнуто обстоятельством *с разных сторон*, расположились люди, и ощущение их голосов автор передает как *равномерный и неумолкающий шум веретен*. Далее автор отмечает высокую степень «организованности» вечера: все гости разбиты на три группы и явно объединены талантливым организатором по общим интересам и взаимным симпатиям в трех местах залы вокруг специально подобранных знаковых фигур. Л. Толстой не случайно сравнивает Анну Павловну с *метрдотелем*, роль которого — безлико сервировать гостям *сверхъестественно утонченные блюда*, в случае Анны Павловны — *виконта и аббата*, которыми она блестяще угощает своих гостей. У четвер-

той немногочисленной группы гостей своя особая роль в картине этого многолюдного блестящего собрания.

Рассмотрим поближе технику ее описания. Центральную фигуру автор не случайно называет по-французски *ma tante*, она, по-видимому, престарелая родственница хозяйки и присутствует на вечере в качестве, скорее, носительницы традиции, нежели гостя, не имеющей значимого права голоса на этом светском рауте. Около *ma tante* (...) сидела только одна пожилая дама слово *только* говорит о том, что великосветская родственница с большим организаторским талантом не почитала возможным пригласить для круга своей тети близких ей по духу людей, обошлась *одной дамой*.

И далее, для описания ее компаньонки автор специально подбирает особые средства, чтобы подчеркнуть на фоне пышущих молодостью, свежестью, буйством внутренних сил красавицы-княжны Элен, дочери князя Василия, и *хорошенькой, румяной, слишком полной по своей молодости, маленькой княгини Болконской* ее *некоторую чуждость в этом блестящем обществе*. Это — *пожилая дама с исплаканным худым лицом*.

Уже само сочетание *пожилая дама* говорит о возрасте и о благородном происхождении, но и сдержанность этой характеристики явно указывает на скромную жизнь в прошлом, а *исплаканное*, где приставка *из-* говорит о крайней степени выражения постоянных скорбных чувств, у В. Даля это слово толкуется как 'истомиться плачем' [1. С. 52], по-видимому, по поводу какой-то незабываемой утраты, да еще и *худое лицо* указывают на сопровождающие человека в жизни заботы и несчастья. Да и слово *чуждость* говорит об отсутствии какой-либо связи этой дамы с обществом, в котором она вынуждена находиться. Эта четвертая группа гостей явно не принадлежит к собравшемуся обществу и служит для ограничения общения его членов в пределах их светского круга, который не интересуют истинные чувства и заботы людей.

Чтобы создать этот образ, автор, руководимый своим гениальным семиотическим и семантическим чутьем, используя все языковые и неязыковые планы языковой деятельности, отобрал необходимую палитру красок из морфологии, лексики, синтаксиса русского языка и создал удивительно точную и достоверную картину жизни описываемого им общества. Но понять, с какой целью он создал это полотно, т.е. раскрыть его замысел, чтобы обогатить себя истинным значением всего им сказанного, можно в том случае, если мы увидим, как он расставил акценты в описании.

В книге «Культура и взрыв» Ю.М. Лотман охарактеризовал женскую эмансипацию прошлых веков как культурный взрыв. Когда в XIX в. французская мода на литературные салоны пришла в Россию, то в русских условиях хозяйка салона доводила «умение обходиться в обществе до степени искусства» [4. С. 166], сохраняя при этом, что особо подчеркивает Ю.М. Лотман, «главный принцип дамского поведения *comme il faut*, главный признак которого — светская безликость» [4. С. 165].

Высшим идеалом салона была «ориентация на неоригинальность» [4. С. 166], на чем и сделал акцент в своем романе Л.Н. Толстой. Ход вечера напоминает работу безликого, но точного механизма, гости своим поведением, отношением друг

к другу не выказывают эмоций, но демонстрирую верность светскому этикету, и блещут остроумием и образованностью. А Анна Павловна, по сути, организатор и стратег всего собрания, ведет себя, согласно тогдашней салонной моде, *comme il faut*, по-светски, безлико и невыразительно, ограничиваясь любезностями, фразами и жестами. Она направляет блестящее развитие хорошо продуманного сценария, в котором сознательно не предусмотрено значимого места для опекаемых ею людей, из определенного лицемерного чувства приглашенных на вечер тоже. Их эмоциональная открытость, явная зависимость от забот реальной жизни служат афишей ее собранности, независимости, лицемерному призрению к обездоленным. Сознательно подчеркивая *чуждость* [7. С. 17] этой группы гостей и блестящему обществу, и умной, образованной Анне Павловне Шерер, автор не только уделяет внимание проблеме женской эмансипации в целом, но и обращает внимание на социальную градацию этой проблемы в русском обществе и не скрывает своих симпатий.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Даль В.* Толковый словарь (Воспроизведено со второго издания 1880—1882 гг.). Т. II. М.: Художественная литература, 1935.
- [2] *Джеймс Ч.В.* Внутренняя форма и грамматический статус русских сложных слов: дисс. ... канд. филол. наук. М.: РУДН, 1991.
- [3] *Липатова Т.В.* К вопросу о разных типах предикации: системно-типологический подход // «Русский язык — посредник в диалоге культур» (в рамках программы «Русский язык в XXI»). Международная научно-методическая конференция, 19—20 февраля 2009 г. М.: МГИМО, 2009.
- [4] *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. М.: Прогресс, 1992.
- [5] *Мельников Г.П.* Принципы и методы системной типологии языков: дисс ... докт. филол. наук. М., Военный институт, 1990.
- [6] *Пушкин А.С.* Собрание сочинений. Т. IV. М.: Художественная литература, 1960.
- [7] *Толстой Л.Н.* Собрание сочинений. Т. IV. М., 1962.

ON LANGUAGE ACTIVITY

T.V. Lipatova

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2a, Moscow, Russia, 117198

The article touches upon the questions of language activity, that bases on outer non-language sphere and on language awareness, specialized at an effective communication, on inner non-language sphere and their plans.

Key words: knowledge socialization, speech signs, minimal units of outer and inner forms of language, the plans of signifying and signified units.